

Когда он снова проснулся, стоял уже полдень. Юнь-эр с досадой понял, что слишком поддался страсти. Наверняка снаружи уже вовсю ползут слухи, но разве стоит обращать на них внимание? Он никогда не заботился о мирских условностях, о том, чтобы чувства не переходили дозволенные рамки, — он лишь не хотел, чтобы всё это легло тяжелым грузом на плечи Третьего старшего брата.

Приподнявшись на постели, он тут же пожалел о недавнем бахвальстве: тело налилось свинцовой слабостью. И кого теперь винить? Эх. Окинув взглядом собственное тело, сплошь покрытое следами поцелуев и царапинами, когда некогда нежная кожа оказалась испорчена, Цзин Юнь невольно горько усмехнулся. Внизу живота тоже ощущалось жжение и саднение, и каждое движение отзывалось острой болью.

Он только попытался встать с постели, как из-под одеяла высунулась рука, крепко притянула его обратно, и Юнь-эр бессильно рухнул на матрас.

- Быстро отпусти! - с досадой пробормотал он.

Цзин Яо покачал головой, сияя от счастья. Он обнял его еще крепче, утыкаясь носом в шею. От его теплого дыхания кожа Цзин Юня, и без того чувствительная после недавней близости, покрылась мурашками.

Цзин Яо мгновенно уловил эту реакцию и дразняще изогнул губы, излучая невероятное очарование:

- Ни за что... Пусть Юнь-эр поспит с Третьим старшим братом еще чуть-чуть~

Кто бы мог подумать, что этот властный, суровый и безжалостный император способен на столь пугающе нежное выражение лица? Причем выглядело это донельзя естественно, и ни капли стыда он при этом не испытывал.

- Опять спать? Уже полдень! Вставай скорее, у меня дела.

С этими словами он оттолкнул крепкие объятия Цзин Яо и попытался встать на ноги, но стоило сделать шаг, как колени подкосились, и он полетел на пол.

Цзин Яо молниеносно вскочил с постели и подхватил падающего Юнь-эр. С трудом уняв учащенное сердцебиение, он строго глянул на него:

- Посмотри на себя, на ногах не стоишь, а туда же - дела!

Хоть голос и звучал сурово, в нем слышались искреннее беспокойство и страх.

Как же опасно! Юнь-эр чуть не ушибся! Похоже, на пол нужно постелить ковры, иначе падение Юнь-эр ни к чему хорошему не приведет.

Цзин Юнь покраснел от таких слов и с укоризной произвел:

- Во всем виновата твоя несдержанность, иначе я бы...

Голос его становился все тише, а на щеках вспыхнул еще более яркий румянец. Обсуждать подобное и правда было неловко.

Цзин Яо на мгновение замер, а затем громко рассмеялся, бросив на него игривый взгляд:

- Тогда Юнь-эру стоит быть осторожнее, Третий старший брат на этом не остановится~

Он что, хочет повторить?!

Цзин Юнь испуганно отпрянул, торопливо отполз на добрых несколько чжанов и, скрестив руки на груди, настороженно уставился на него. Всего пара раз - и он едва не лишился жизни, а теперь он хочет снова?! Знал бы он раньше, что это приносит столько боли! Больше он на такое не подпишется. Ему следовало понимать это еще двенадцать лет назад, но кто бы мог подумать, что спустя двенадцать лет он совершит ту же ошибку. И как после этого называть себя умным?

- Ха-ха... Ладно, сегодня я тебя пощажу, малыш. Но... завтра будь начеку~

Видеть испуганный вид Цзин Юня было поистине забавно: вылитый пушистый кролик с красными глазами, который подозрительно косится на него. Обычно такой холодный и неприступный, а после близости становится донельзя милым. Похоже, это превосходный способ. Если впредь Юнь-эр вздумает упрямиться, он просто утащит его в постель! Конечно, об этих мыслях ему знать не положено, иначе этот малыш убежит куда глаза глядят.

- Вставай давай, на полу холодно. Проголодался?

С усмешкой подойдя к настороженно глядящему на него Цзин Юню, он легко подхватил его на руки и зашагал в гостиную.

Цзин Юнь, не ожидавшего такого маневра, испуганно ахнул и поспешно обвил руками шею Цзин Яо, все еще не до конца придя в себя:

- Ну надо же, отпусти меня немедленно, на что это похоже...

Его слова потонули в поцелуе Цзин Яо, переросшем в невнятное мычание.

Продлив сладостное мгновение, Цзин Яо наконец отпустил его и произвел низким голосом:

- Возражения не принимаются.

Цзин Юнь поджал губы и сник. Как он мог забыть истинную природу этого человека? Горбатого могила исправит, он остался таким же деспотом!

Видя, что Юнь-эр ведет себя относительно послушно, Цзин Яо смягчился. Чуть приподняв его на руках, он вновь нахмурился:

- Почему ты такой легкий, совсем не ешь?

- Ем.

Цзин Яо потерял дар речи. Какой краткий ответ, от которого на сердце стало еще больнее. Должно быть, все эти годы ему пришлось несладко.

- Евнух Яо, подавай на стол.

Вскоре еда была подана, но Цзин Яо и не думал отпускать Цзин Юня, намертво усадив его себе на колени и ни капли не смущаясь изумленных взглядов придворных.

- Юнь-эр только что поил Третьего старшего брата лекарством, теперь Третий старший брат покормит Юнь-эра. Идёт?

Это определенно не было вопросом: он уже взял ложку, зачерпнул кашу из семян лотоса и поднес к губам Цзин Юня.

- Ешь давай~

Ну что за человек, совсем не считается с чужими желаниями! Впрочем, кого винить, если он сам напросился, умудрившись влюбиться в такого деспота? Пришлось смиренно проглотить ложку.

- Вкусно?

- Сносно.

Цзин Юнь кивнул, выражая одобрение.

- Ну раз по вкусу, поешь еще немного, Юнь-эр слишком худой.

Он тут же зачерпнул еще ложку и заботливо протянул ему.

Картина выглядела так, будто муж и жена искренне любят друг друга: они разделяли тяготы и радости, и в этой гармонии нельзя было найти ни единого изъяна. Вот только оба знали: подобная жизнь бесконечно далека от них, а впереди лежит долгий путь, усыпанный колючими шипами.

К тому же между ними лежала человеческая жизнь – жизнь Ло Цинву, матери Цзин Юня...

- Больше не могу.

Цзин Юнь покачал головой, глядя на еду. Если съесть хоть еще ложку, его просто разорвет изнутри. Забота о здоровье не должна выглядеть так, будто в него силой впихивают сплошные деликатесы. Сам он предпочитал простую пищу, и если ел всю эту жирную еду, то лишь заставлял себя глотать кусочек за кусочком, чтобы не портить ему настроение.

- Съел так мало! Не пойдет, нужно еще немного.

Цзин Яо был готов откормить Цзин Юня в один миг. Только так его собственное сердце могло унять хоть часть боли. Держать его на руках было больно и рукам, и сердцу.

- Правда больше не лезет.

Отодвинув руку Цзин Яо, он поднялся и пересел на другой стул.

- Ешь сам.

Поняв, что тот действительно больше не в силах съесть ни крошки, Цзин Яо с вздохом принялся за еду сам. К остальным блюдам он даже не притронулся, доедая то, что осталось от тарелки Цзин Юня. И пока ел, то и дело поднимал на него глаза и улыбался – словно он был не перешагнувшим рубеж зрелости мужчиной, а юношей двадцати лет с абсолютно чистым взглядом.

Разве так выглядит жизнь простой семейной пары? Хоть ему и не доводилось изведать подобного, но, должно быть, это очень близко. Так тепло, так гармонично. Его требования к любви и к самому Цзин Юню были просты: делить за одним столом трапезу, засыпать на одном ложе, поддерживать друг друга и никогда не расставаться. И что бы ни встало у них на пути – хм! Пощады не жди ни от кого, даже если это его собственная матушка. Долг рождения она

исчерпала еще двенадцать лет назад. А что до долга воспитания – ха, к ней он и вовсе не имел никакого отношения.

Цзин Юнь сидел рядом, молча наблюдая за тем, как тот ест, и его взгляд постепенно затуманивался. Каждое движение Цзин Яо по-прежнему отличалось изяществом, он ел неспешно, с невероятным достоинством. Все вокруг всегда говорили, что он сам несравнен и благороден, но никто не знал, что всему этому он научился, незаметно перенимая привычки сидевшего перед ним человека. В детстве он боготворил его, копировал каждое движение, пока в один прекрасный день не осознал, что всё это въелось ему в самую плоть и кровь, от чего уже невозможно избавиться. Только вот сам он об этом никогда не знал. Любить до безумия и в то же время порой заблуждаться, упрямо упираясь лбом в стену и причиняя боль лишь самому себе.

Закончив трапезу и отложив палочки, Цзин Яо встретился взглядом с зачарованным Цзин Юнем и насмешливо произнес:

– Доволен ли Юнь-эр тем, что увидел?

Белоснежное лицо Цзин Юня залилось ярким румянцем. Бросив на него укоризненный взгляд, он опустил глаза и принялся крутить в пальцах собственные пряди.

– Сносно.

Цзин Яо громко рассмеялся, перехватил его руку и принялся нежно массировать пальцы:

– Выходит, Третий старший брат ценится не дороже тех блюд?

Цзин Юнь сделал вид, что глубоко задумался: перевел взгляд с Цзин Яо на оставшуюся еду и лишь после этого ответил:

– Третий старший брат куда аппетитнее этих изысканных блюд.

Вот только расплачиваться за трапезу было больновато. Проклятье, внизу живота до сих пор саднило так, будто кожу резали ножом, нельзя позволить ему распробовать этот вкус, иначе он точно от него не отстанет. И откуда у него столько сил?

– А Юнь-эр остался доволен тем, как «пообедал»?

Приподняв бровь, император придвинул стул ближе, а его рука скользнула по талии Цзин Юня, норовив бесстыдно опуститься ниже.

Цзин Юнь судорожно втянул воздух и от боли свернулся калачиком, а на лбу выступили

капельки холодного пота.

Только теперь Цзин Яо понял, что переборщил, и поспешно подхватил соскальзывающее тело. Сердце сжалось от дикой жалости, а сам он побледнел не меньше Цзин Юня – вид у него был такой, будто болело не у Юнь-эра, а у него самого.

– Сильно болит? Черт побери, я не должен был, я...

Он принялся отчаянно колотить себя по голове, одновременно тревожно заглядывая в лицо Цзин Юню, и был готов убить себя собственными руками.

Знал же, что Юнь-эр может пострадать, и все равно дал волю страсти, даже не подумав, выдержит ли Юнь-эр такое! Какая же он сволочь!

Слабо улыбнувшись, Цзин Юнь с трудом перехватил его руку, пытающуюся нанести себе новые удары.

– Всё в порядке, просто нужно отдохнуть. Не бей себя, мне от этого больно.

Подведя его ладонь к своей груди, он заставил его почувствовать биение своего сердца.

– Вот здесь... очень-очень больно.

– ...

Цзин Яо молчал. Он лишь крепче прижал к себе хрупкое тело, а его все еще подрагивающие руки выдавали бурю, бушующую в душе.

– Третий старший брат, позволь Юнь-эру немного поспать, ладно? Не буди меня, хорошо?

Тело Цзин Яо дрогнуло, после чего он с трудом кивнул:

– Только поспи немного, Третий старший брат побудет с тобой.

Он боялся, что Юнь-эр уйдет, боялся, что тот исчезнет в месте, куда ему заказан путь, боялся, что Юнь-эр бросит его...

Лишь ощущая вес в руках, теплое касание и бьющееся сердце, он мог хоть немного успокоить свою трепещущую душу.

Пожалуй, из них двоих кто и не умел отпускать, так это он сам. Юнь-эр смотрел на всё куда проще, а за прошлое цеплялся лишь он один.

Тогда Юнь-эр точно так же лежал в его объятиях – свернувшись клубочком, бледный как полотно. Ему казалось, что он потерял его навсегда, и лишь едва уловимое биение сердца шептало, что Юнь-эр еще жив. Это врезалось в память слишком глубоко, как же он мог забыть? Как он мог забыть...

Он обнимал его все крепче, словно боясь, что кто-то посмеет отнять его сокровище.

Юнь-эр, ты помнишь? Третий старший брат как-то бросил дерзкие слова: даже боги страшатся меня на треть, чего же мне бояться каких-то демонов и духов? Но теперь... Третий старший брат боится. Боится потерять тебя...

<http://bllate.org/book/21156/2144403>